

Глава 6: Слезы намочили кролика в пряном соусе

—

Госпожа Цинь, сложив руки, несколько раз походила за дверью, увидев, что охотник вернулся, сразу позвала Ци Бэйнаня в комнату; дверь закрылась, и она не знала, о чем они говорили.

Она как раз хотела прижаться к двери, чтобы подслушать, но дверь открылась изнутри.

Госпожа Цинь смущенно отступила, а Сяо Ху, в хорошем настроении, вышел и сказал ей: «К вечеру приготовь хорошую еду».

Она поспешно пошла рядом с Сяо Ху, направляясь наружу. Подойдя ближе, она почувствовала запах сырой животной вони, смешанный с запахом крови, нахмурилась и снова немного отошла.

«Он действительно родственник?»

«Не родственник, а старый знакомый».

«Почему я не слышала, чтобы ты упоминал, что у тебя есть старый знакомый среди ученых».

Сяо Ху не стал скрывать и сказал прямо: «Мать Бэйнаня, когда была дома, была подругой с матерью Сяо Бао. После того как они вышли замуж, семьи Сяо и Ци всегда поддерживали контакты».

Услышав о такой связи, госпожа Цинь сразу почувствовала некоторое недовольство, но в то же время камень, который тайно висел у нее на сердце, упал на землю.

Когда она впервые услышала, что Ци Бэйнань потерял родителей и является родственником семьи Сяо, она испугалась, что он пришел искать приюта.

Теперь, услышав, что он даже не родственник, а просто из семьи, которая была дружна с прежней женой, она подумала, что если бы этот мальчишка Ци искал убежища у кого-либо, он бы не выбрал семью Сяо.

Подумав об этом, она сама облегченно вздохнула.

«Тогда, раз он приехал к нам под самый конец года, что-то важное? Может, пришел денег занять?»

Госпожа Цинь снова осторожно спросила о том, что ее волновало больше всего.

Увидев, что Сяо Ху молчит, она побледнела, решив, что угадала, и тут же стала недовольна.

В конце года много трат, и она всего несколько дней назад сказала своим родичам, что в первом месяце пошлет им свинину и рис. Если она даст денег в долг сейчас, где ей взять свободные деньги, чтобы купить те вещи.

Тогда она сказала: «Ты рискуешь жизнью в горах, чтобы заработать немного денег, а наша семья не богата. Какие-то старые знакомые в обычное время не появляются, а как только приходят, то...»

Сяо Ху остановился и внезапно взглянул на госпожу Цинь, отчего ее сердце невольно дрогнуло.

Сяо Ху почувствовал легкое недовольство, но не рассердился. Она услышала, как он равнодушно произнес: «Бэйнань не за деньгами пришел».

«Неужели...» — сказала госпожа Цинь. «Тогда зачем он пришел? Неужели действительно принес тебе то, что его родители просили передать при жизни? Что же это?»

Сяо Ху не ответил, лишь сказал: «Сначала приготовь еду, позже я сам тебе расскажу».

Госпожа Цинь открыла рот, желая снова спросить, но, увидев непоколебимое выражение лица Сяо Ху, прекратила разговор.

Он не из тех, кто шутит; раз сказал «нет», значит, нет.

«Ладно, раз к вечеру нужно приготовить что-то хорошее, я приготовлю мясо. Я только сегодня купила свиную грудинку в городе».

Сяо Ху кивнул. Он вернулся из гор с корзиной, в которой был его улов за эти дни.

В зимний месяц охота не имела особых запретов, охотиться можно было на что угодно, вот только дичи в лесу было не так много, как в другое время года.

На этот раз он принес только одного фазана, двух диких кроликов и три пары перепелов — ничего крупного не было.

Жить за счет гор, добывая по мелочи — это норма; то, что он не вернулся с пустыми руками, уже хорошо. А поймать оленя, барана или кабана — это когда сильно везет.

Он вытащил одного белого кролика: «Давай его потушим».

Госпожа Цинь, глядя на кролика, с круглыми глазами спросила: «Сегодня вечером так вкусно едим?»

«Бэйнань приехал к нам издалека».

Госпожа Цинь тихо поджала губы и покачала того кролика, который уже едва дышал. Осенью он хорошо откормился и был тяжелым.

Она подумала, что Сяо Ху довольно щедр к этому мальчишке, ведь в обычное время он сам жалел есть такую еду.

«Да, нужно приготовить что-то хорошее. Нельзя, чтобы этот ребенок, вернувшись домой, сказал, что наша деревенская семья плохо принимает гостей. Этот ребенок еще и издалека привез фрукты и сладости для Чао гера и Бао гера. Я сейчас же разделаю и поставлю тушиться».

Госпожа Цинь сказала несколько красивых и добродетельных фраз, подвязала юбку и приготовилась нести кролика на кухню.

Сяо Ху, услышав это, спросил: «А где двое детей?»

Ван Чао в глубине души боялся Сяо Ху и не любил этого отчима-охотника. Услышав, что он вернулся, гер спрятался в комнате и закрыл за собой дверь.

Он сидел в комнате и втихомолку ел фрукты и сладости.

Госпожа Цинь же сказала: «Чао гер в комнате, я учу его шить. Чтобы он потом мог чинить тебе одежду, ведь ты каждый раз, когда ходишь в горы, рвешь ее. Сейчас он как раз усердно учится, я пойду, позову его».

«То, что он усердно учится, это хорошо, сейчас не будем ему мешать».

Госпожа Цинь улыбнулась и с задумчивым видом произнесла: «Бао гер...»

«Ой, дитя мое, увидел, что папа вернулся, почему ты прячешься?»

Госпожа Цинь вытащила Сяо Юаньбао из-за двери и, улыбаясь, сказала: «Смотри, какой трусишка! Это же папа, а не чужой».

Сяо Ху смотрел на маленького Сяо Юаньбао, стоящего перед ним, который опустил голову и смотрел на носки, не глядя на отца. Он был закутан в толстую одежду, но его острый подбородок невозможно было скрыть.

Он нахмурился: «Кажется, он похудел».

Госпожа Цинь возмущенно сказала: «Вы, мужчины, только знаете, как деньги зарабатывать, и совершенно не знаете, что ребенок в этом возрасте как раз растет. Когда он вытягивается, то, естественно, худеет. Разве его тело может быть таким же, как в младенчестве? В этом возрасте ребенок меняется каждые десять дней-полмесяца. Ты сам не подумал, сколько дней ты был в горах».

Сяо Ху действительно не умел заботиться о детях. Раньше, когда умерла родная мать Сяо Бао, он один воспитывал его некоторое время.

Изначально он не собирался снова жениться, но сам был неуклюж и не умел заботиться о ребенке. После того как Сяо Бао потерял мать, он много плакал, постоянно болел и похудел как котенок.

Он не знал, что делать, и каждый день сильно беспокоился. К счастью, сваха познакомила его с госпожой Цинь, и только тогда появился кто-то, кто умел заботиться о детях.

Сяо Ху протянул руку, чтобы обнять малыша. Сяо Юаньбао некоторое время не видел своего отца и скучал по нему, но, внезапно увидев человека, снова почувствовал себя немного чужим и смущенно отодвинулся назад.

Госпожа Цинь, увидев это, остановила Сяо Ху и сказала: «Ты весь пахнешь, напугаешь Бао гера. Если не помоешься, ребенок будет воротить от тебя нос».

Сяо Ху оглядел грязь на себе и снова убрал руки.

Ци Бэйнань стоял в темноте, не произнося ни слова, и наблюдал за действиями всей семьи.

Он подумал про себя, что эта госпожа Цинь действительно удивительна: каждая ее фраза кажется заботливой, но на самом деле она мешает близости отца и сына, и она настоящий мастер в подстрекательстве.

Судя по этому, отец и сын, которые и так редко общаются, под ее двойным подстрекательством станут только еще более отчужденными.

Ци Бэйнань широкими шагами подошел: «Я думал, Сяо Бао прячется, потому что я ему не нравлюсь, но оказалось, что он очень застенчив, даже когда видит своего отца».

Он подошел между супругами, присел, глядя на Сяо Юаньбао, и с улыбкой спросил: «Сяо Бао, папа воняет или нет?»

Сяо Юаньбао покачал головой: «Не воняет».

Взгляд Сяо Ху смягчился. Он снова протянул руку и крепко обнял Сяо Юаньбао.

Сяо Юаньбао немного испугался, но когда папа обнял его, его глаза радостно загорелись, и он поспешно обхватил шею Сяо Ху.

Госпожа Цинь, глядя на отца и сына, почувствовала себя униженной.

Она повернула голову и посмотрела на Ци Бэйнаня, обнаружив, что он тоже смотрит на нее.

Уголки губ Ци Бэйнаня были приподняты, он выглядел очень мягким, но улыбка не достигала глаз: «Тетушка, вы такой заботливый человек».

Госпожа Цинь сначала была зла, что этот мальчишка так много говорит, и хотела его подколоть, но услышала от него эту бессмысленную фразу, а то, как он смотрел на нее с улыбкой, внезапно вызвало у нее жуткое ощущение.

На мгновение она не знала, что ответить, поправила юбку на талии и ушла на кухню.

Вечером, получив разрешение, госпожа Цинь приготовила кролика в остром соусе.

Дикий кролик пахнет сильнее, чем домашний, поэтому она добавила много приправ. Тазик рубленого аккуратными большими кусками мяса кролика тушился в желто-оранжевом соусе до коричнево-красного цвета.

Мясо кролика пропиталось вкусом, было жирным, пахло необычайно ароматно, и вся комната наполнилась аппетитным запахом.

Госпожа Цинь палочками зацепила немного соуса, попробовала его, и на ее лице появилась заметная улыбка.

Она была особенно довольна своим сегодняшним мастерством. Если бы ее отец, который больше любил сына, попробовал этот вкус, он бы непременно кивнул в знак одобрения, пожалев, что в свое время передал свое мастерство только сыну, а не ей.

Потушив мясо, она еще сварила суп из зимней мальвы и редьки, освежающий и снимающий жирность, специально для жирных мясных блюд.

Пока она бросала ломтики редьки в кипящую воду, она не могла не вздохнуть с чувством, вспоминая, как раньше, когда она жила с тем стариком, ей было трудно даже съесть кусочек мяса. Можно ли было тогда рассчитывать на такую хорошую жизнь, когда можно приготовить большой таз мяса и простые овощи для снятия жирности.

На этот раз, можно считать, она вытерпела и добилась своего.

«Бэйнань, ешь побольше. Ты приехал издалека, а дома нет ничего хорошего, чтобы угостить. Только не обижайся, что у тетушки неважное мастерство».

На столе госпожа Цинь подвинула блюдо к Ци Бэйнаню: «Твой дядя поймал этого кролика, он жирный. Мясо дикого кролика нежнее домашнего, такое даже на улице нелегко найти».

«Блюда тетушки очень хороши. Это я пришел, чтобы побеспокоить вас, и не могу выразить своего уважения. Пришлось дяде и тетушке потрудиться, чтобы оказать мне гостеприимство».

Ци Бэйнань говорил правду, мастерство госпожи Цинь действительно было хорошим. Он считал Сяо Юаньбао хорошим поваром и задавался вопросом, не перенял ли тот немного мастерства госпожи Цинь.

Госпожа Цинь гордилась своим кулинарным мастерством. Если бы не это ее умение готовить еду, которое на голову превосходило способности других вдов, как бы она, потеряв мужа и таща за собой гера, смогла выйти замуж в этот дом?

Хотя семья Сяо не была богатой, Сяо Ху был мастеровитым человеком, и «соль в доме все же была более соленой», чем в домах обычных крестьян.

На ее лице появилась улыбка: «Если тебе по вкусу, завтра тетушка приготовит тебе попробовать еще какое-нибудь блюдо».

И она не забыла заботливо положить кусочек мяса в миску Сяо Юаньбао, хотя даже Ван Чао геру ничего не положила.

Сяо Ху выпил чарку мутного вина. В горы он никогда не брал с собой вино, боясь, что выпивка мешает делу. Только вернувшись, он мог спокойно выпить.

В горах еда была простой, в основном паровые булочки для утоления голода. Теперь, вернувшись с гор, имея вино и горячую еду, он не мог не поесть с удовольствием.

Видя, что двое мирно разговаривают, и что госпожа Цинь так заботлива и добродетельна, они казались дружной семьей, Сяо Ху был рад. Он подумал, что госпожа Цинь тоже будет довольна разумным Ци Бэйнанем, и поставил чарку.

«Вся семья в сборе, я скажу кое-что».

В его голосе было трудно скрыть радость: «Впредь Бэйнань будет жить здесь. Он — часть семьи».

Сказав это, Сяо Ху снова поднял чарку.

Внезапно услышав эти слова, госпожа Цинь почувствовала, как её разум опустел.

Она в изумлении уставилась на Сяо Ху. Увидев, что он выглядит серьезно, не шутит и даже довольно рад, она сразу была поражена.

Сердце, которое недавно успокоилось, теперь прямо выскочило наружу.

Она промахнулась палочками, убрала руку, которая хотела взять мясо, и ее мысли мгновенно отвлеклись от еды.

Выдав улыбку, она сказала: «Ты! Неужели ты совсем опьянел и шутишь?»

Сяо Ху сказал: «Родители Бэйнаня умерли, сейчас он молод и одинок. Моя дружба с его родителями была глубока, я не могу смотреть, как он остается бездомным».

Госпожа Цинь силой сохраняла спокойствие и делала вид понимающей женщины: «Судьба Бэйнаня горька, мне тоже больно. Если бы он мог остаться, это было бы хорошо. Только человек носит фамилию Ци, и какой бы глубокой ни была наша дружба, боюсь, родственники семьи Ци будут недовольны...»

Сяо Ху поставил чарку и сказал: «Хоть он и не кровный родственник, но есть причина. Когда была жива мать Сяо Бао, она встретила Бэйнаня в семье Ци, и семьи обменялись подарками и рано договорились о браке».

«Сейчас в семье Ци произошли перемены, и то, что он приехал, вполне разумно. Родственники Бэйнаня — люди, с которыми трудно поладить, поэтому он вынужден был приехать».

Ци Бэйнань, увидев это, сразу поставил миску и палочки, встал и поклонился госпоже Цинь, сложив руки: «Прошу тетюшку дать мне приют. Родители умерли, родственники как злые тигры, и у меня не осталось другого выхода, поэтому я умоляю дядю и тетюшку. Вашу доброту и милость ко мне я никогда не забуду и обязательно отплачу, когда стану старше».

Госпожа Цинь была ошеломлена, ее грудь вздымалась. Она же говорила, что приезд издалека под конец года ничего хорошего не предвещает.

Раньше она подумала, что он не пришел искать приюта, но все обошло по кругу, и результат оказался тем же.

Она сразу хотела сказать, чтобы он ушел, но в итоге не посмела так свирепо оспаривать авторитет Сяо Ху, и силой проглотила свой гнев.

Успокаивая кружащуюся голову, она изо всех сил старалась говорить спокойно: «Бэйнань, ты ученый человек, а мы, живущие в деревенских хижинах, очень грубые. Тетушка очень рада, что ты остаешься, но боюсь, тебе будет некомфортно здесь жить».

Ци Бэйнань мягко улыбнулся и ответил: «Тетушка, вы так добры. Я изначально тоже из деревенской семьи, работать на земле я умею, и я точно не привередливый человек».

«Я изначально беспокоился, что, придя сюда, создам тетушке неудобства. Но дядя Сяо сказал мне, что тетушка — очень разумный и добрый человек. И это правда. Мне действительно повезло, что смог встретить такую тетушку».

Госпожа Цинь опешила. Разве ее слова означали согласие? Но Ци Бэйнань говорил так, будто она уже согласилась, и еще и осыпал ее незаслуженной похвалой.

Она заметила одобрение во взгляде Сяо Ху, и, будучи подставленной ими обоими, не могла сразу же рассердиться.

Она стиснула зубы и сказала: «Раз так, то мне не о чем беспокоиться. Ты можешь сначала пожить здесь и посмотреть».

Ван Чао держал миску. Ему в этом году уже восемь лет, и хотя он не очень умел читать по лицам, он уже понимал, о чем говорят в семье, — его глаза загорелись: «Мама, брат Ци впредь будет жить у нас?»

Фрукты и сладости от Ци Бэйнаня сегодня были очень вкусными. Он надеялся, что тот и дальше будет покупать их для него. Если он впредь будет жить здесь и станет старшим братом, разве не будет у него всегда печенья и фруктов?

Госпожа Цинь косо взглянула на него: «Ешь свою еду. Когда взрослые едят, детям не следует вмешиваться».

Сяо Ху посмотрел на Ци Бэйнаня: «Садись, ешь. Я же говорил, твоя тетушка не из тех, кто придирается».

Ци Бэйнань кивнул, соглашаясь. Он знал, что госпожа Цинь не могла согласиться так легко, но раз уж она сказала, что он может пожить временно, то не стоило много спорить.

Тогда он с улыбкой расхвалил госпожу Цинь, пока ей не стало совсем неловко.

Он слегка обрадовался, вернулся на свое место, взял кусок кроличьей ножки и хотел положить его в миску Сяо Юаньбао, который молча ел рис, опустив голову.

Но неожиданно, когда палочки несли мясо, Сяо Юаньбао тихонько отодвинул миску. Движение было небольшим, и мясо кролика все равно упало в его миску.

Несмотря на это, он все же выразил свое мнение.

Ци Бэйнань слегка нахмурился.

Госпожа Цинь, с острым взглядом, заметила движение Сяо Юаньбао и была приятно удивлена, что этому доверчивому ребёнку не понравился Ци Бэйнань.

Тогда можно найти хороший повод выразить недовольство, а Сяо Ху жалеет своего родного маленького гера и, может быть, снова все обдумает.

Она снова положила мясо в миску Сяо Юаньбао, делая вид, что нежно уговаривает, но говорила то, что задевало Сяо Юаньбао: «Папа сказал, брат Бэйнань теперь будет жить здесь. Так что то же самое будет, если он положит мясо в твою миску».

«Впредь дома будет два брата, и оба смогут играть с тобой. Как здорово, правда?»

Услышав эти слова, глаза Сяо Юаньбао покраснели.

Совсем не здорово.

Папа и госпожа Цинь совсем нехорошие, всегда приводят домой брата.

Ци Бэйнань тоже совсем нехороший. Я же говорил, что быть братом в доме дяди Ли лучше, но он не поверил мне и обязательно хочет быть братом в нашем доме.

Печаль Сяо Юаньбао была невыразимой. Он не смел противоречить людям за столом и плакать, поэтому в душе ему стало еще больнее, и даже кончик носа заболел.

Он не хотел плакать и позволять Чао геру смеяться над ним, называя его сопливым червем, поэтому он опустил голову, взял кусок мяса из миски и засунул его в рот, пытаясь унять кислое ощущение в горле.

Но он не ожидал, что пряное мясо кролика, которое он положил себе в рот... окажется таким

вкусным!

Итак, он ел рис и мясо из своей миски, и его круглые глаза тоже были заняты чем-то, слезы катились по его щекам.

Пока не плачешь громко, это не считается плачем!

—

<http://bllate.org/book/14487/1282041>